

Цуй Люй прекрасно видел недоумение в глазах домочадцев, вызванное его переменной. Крах великого клана подобен лавине: когда он случается, что-либо предпринимать уже поздно, а пока он не наступил — любые предупреждения кажутся лишь пугающим бахвальством. Цуй Люй не сомневался, что сумеет заставить окружающих беспрекословно принять любое свое решение, однако не видел в этом нужды.

Во-первых, ему было попросту лень выдумывать небывлицы о наставлениях бессмертных или благословении предков, чтобы одурачить паству. Во-вторых, он стремился сохранить спокойствие в умах, не желая, чтобы близкие изнывали от тревоги, разделяя его бремя. И наконец, любые пророчества о судьбах государства могли превратиться в новую ловушку, навлекающую беду.

Дело было не в недоверии к тем, кто стоял перед ним. Цуй Люй сам выбирал и взращивал этих людей, их честность и преданность не вызывали сомнений. Но жизнь полна случайностей. Что, если кто-то из них в будущем достигнет небывалых высот и на пике успеха, разгоряченный вином или амбициями, обмолвится лишним словом? Как тогда Цуй Люй объяснит свое ясновидение?

Если слухи достигнут ушей монарха, рука самодержавной власти не потерпит оправданий и уловок. Правитель, которого потомки назовут мудрым и святым, неизбежно обладает абсолютной уверенностью в своем праве вершить дела страны и непогрешимости своих решений. И если в такой момент явится безродный простолюдин и заявит, что давно предвидел каждый его шаг и каждый поворот государственной политики — верьте, его не возведут в сан государственного наставника. Напротив, в ярости от уязвленного самолюбия, император предаст наглеца жестокой казни.

История шарлатанства и заигрываний с духами процветает лишь при дворах изнеженных правителей в эпоху упадка. В глазах же истинного реформатора попытка заглянуть в помыслы государя — это преступление, граничащее с изменой. Недаром с тех пор, как в столице сменился владыка, само звание «Государственного наставника» кануло в лету.

Нынешний император в своем стремлении вернуть земли пахарям не ограничился лишь родовитой знатью. Под удар попали и многочисленные монастыри. Огромное число монахов было принудительно возвращено в мир.

Теперь для храмов и обителей установлены строгие квоты на число служителей и даже на количество почитаемых божеств. Мечты о том, как прежде, владеть необъятными свободными от налогов угодьями и жить в праздности, превратились в предания старины глубокой. Ни одна монета из пожертвований верующих более не оседает в карманах монахов. В ведомстве Циньтяньцзянь был создан особый департамент, рассылающий своих надзирателей в каждую обитель. Они, подобно военным инспекторам, собирают подношения мирян и направляют их в местную казну — на строительство дорог и мостов.

Все богатства, накопленные молитвами и заклинаниями, были прибраны к рукам еще Великим императором в начале его пути. Пока знать билась за свои поместья с короной, они и не заметили, как обделили вниманием святых мужей, взывающих о помощи. А когда спохватились — Великий император вместе с нынешним государем, бывшим тогда еще наследным принцем, уже окончательно усмирили жрецов и гадателей.

В те два года десятки тысяч вернувшихся в мир монахов пополнили реестры населения и завели семьи, что привело к рождению сотен тысяч детей. Это позволило восполнить людские потери, понесенные в годы войн. Увидев в этом небывалую выгоду, государь с еще большим рвением продолжил наставлять людей на путь отказа от сана.

Ему легче было бы поверить, что отрубленную голову можно приставить обратно, чем в то, что кто-то способен прозревать будущее. Такое объяснение хотя бы избавило государя от нужды подыскивать подходящую статью закона для казни.

Великий император сокрушал богов и демонов на своем пути, так с чего бы его преемнику почитать пророков и мистиков?

Потому Цуй Люй и не помышлял о том, чтобы, подобно героям дешевых романов, мчаться в столицу и рассуждать перед тронем о путях управления миром. Он не собирался искать путь к сердцу императора через «единство идей». Кто он такой? Всего лишь богатый самодур из глуши. Лишней головы для азартных игр с государем у него не водилось. Куда разумнее было поддерживать перед младшим поколением образ непоколебимого патриарха, чье слово твердо, как скала, а помыслы скрыты за маской глубокой мудрости.

Впрочем, он не слишком и притворялся. Долгие годы он подавлял окружающих своей властной натурой, и то, что сейчас их разговор протекал столь мирно, многие ошибочно приписывали лишь его физической слабости после болезни.

Лишь когда Цуй Чэн вывел молодых людей из усадьбы и повел их по скрытой тропе далеко в обход стен, они начали приходить в себя. Оглядываясь на величественный дом главы клана, они обменивались сложными взглядами, в которых смешивались самые противоречивые чувства.

Говорят, с годами сердце человека смягчается, особенно у тех, кто заглянул за грань жизни и смерти. Неужели это была плата за годы запретов на участие в экзаменах? Подобно тому, как сегодня Цуй Люй щедро оделил приданым давно выданных замуж дочерей, стремясь восполнить скудость их тогдашнего обеспечения?

«Но ведь, дядя-патриарх, мы и живы-то сейчас, и кусок хлеба имеем только благодаря вашему упорству!»

Почти половина их бывших соучеников и друзей, успевших получить должности, сгинула в вихре разгрома «Пяти великих кланов». Те немногие, кому удалось спастись, были лишены всех званий и получили клеймо «навечно лишенных права на службу». Жизни их были

разрушены до основания.

Раньше юношам казалось, что глава клана просто труслив и только и знает, что велит им затаиться. Теперь же они видели: его взор был чист и ясен. Он предвидел перемены в Цзянчжоу задолго до их начала. Его сегодняшние слова о реформах в империи открыли им не только блестящие перспективы нового государства, но и те надежды, что он на них возлагал. Это был уникальный, выверенный план — вывести их на «путь лазурных облаков», как только представится возможность.

Они ошибались. Патриарх оставался патриархом. Каким бы холодным, скупым или суровым он ни казался внешне, в сердце его всегда была забота о будущем детей клана. Он был лишь одиноким старцем, скупым на слова. Чтобы держать в узде беспокойных сородичей, ему приходилось носить ледяную маску, заставляя окружающих держаться на почтительном расстоянии.

— Дядя, мы не упустим этот шанс! Мы обязательно принесем славу нашему роду, чтобы вы... чтобы вы...

Юноши дружно подобрали полы халатов и опустились на колени, обратившись лицами к главной усадьбе. Последние слова они произнесли про себя:

«...чтобы вы, представ пред предками с полным коробом славы, могли с радостью поведать им о наших успехах и заслугах...»

И в самом деле, если дети клана добьются успеха, а род будет процветать — разве это не заслуга главы? Там, под землей, праотцы наверняка соберутся вокруг него, осыпая похвалами.

Это было прекрасное заблуждение.

К несчастью для них, Цуй Люй вовсе не помышлял о пути к процветанию. Сейчас он лишь хотел превратить «путь к смерти» в нечто жизнеспособное. А если сил не хватит и небо не окажет милости, он намеревался до последнего вздоха растратить все богатства клана, чтобы не оставить ни единой монеты тем черным силам, что жаждали их гибели. Позволить молодежи служить или поддерживать их в изучении ремесел — все это было лишь способом легально и без подозрений тратить деньги.

Служба требует расходов на связи? Изучение «хитроумных диковин» и вовсе пожирает золото без счета. В будущем он собирался за огромные деньги нанимать лучших мастеров и ученых мужей для обучения в клановой школе. Он будет сорить деньгами открыто, и не верилось ему, что сокровища нескольких поколений невозможно промотать в одиночку.

Расточительство ради расточительства не было в его вкусе, но тратить деньги с толком и ради дела — это он умел. А значит — тратить, обязательно тратить!

***

Ван Инцзинь тоже размышлял о целях, с которыми старик расстаётся с деньгами. Он увидел повозки с дарами у лавки и вернулся домой вместе с ними. По испуганным, округлившимся глазам жены он понял, что она ничего не знала. Значит, поступок тестя был внезапным.

Но почему?

Он просмотрел список даров: тридцать тысяч лянов серебром и сто двадцать му плодородной земли. В тот миг сердце его екнуло. Однако, расспросив жену, он узнал, что та ничего не говорила отцу о наложнице. Не потому, что хотела выгородить мужа, а потому, что сама не знала, как Цуй Люй на это посмотрит. Будь жива теща, она бы вступилась за дочь, но ее нет. Тесть же всегда был суровым и холодным родителем, и Ван Инцзинь прекрасно понимал горечь жены, которой некому было излить душу.

Именно поэтому он и осмелился безбоязненно ввести женщину в дом. Что могла сделать его супруга со своей печалью и недовольством? Трое братьев? Старший — книжник, слова не вымолвит; средний — тщеславен, печется лишь о репутации; младший — горяч, но один в поле не воин. Он не боялся их прихода. Стоило старику Цуй отойти в мир иной, и рядом с Ван Инцзинем не осталось бы ни одного старшего, способного противостоять его родителям. Тогда, как бы шурины ни пытались защитить сестру, стоило лишь выставить против них стариков Ван, и победа была бы за ним.

Эту суровую правду жизни и свои расчеты он даже не скрывал от жены. Он ведь не привел наложницу тайно и не поселил ее в отдельном доме. С его точки зрения, супруги должны быть откровенны. Он не мог, подобно тестю, всю жизнь хранить верность одной женщине. У него есть деньги, у других есть наложницы — почему же у него быть не должно? К тому же ему уже двадцать пять, а сына всё нет. Ходить без наследника — позор для мужчины. А значит, наложница в доме необходима.

Однако время шло, свет в беседке бокового двора тускнел, чая не подавали, и никто к нему не выходил. Сказали, что его ведут любоваться лотосами, но в глубокую осень пруд превратился в скопище сухих стеблей и увядших листьев, а вода в нем казалась черной и мрачной. В это же время из соседнего двора донесся аппетитный запах еды и громкий голос младшего шурина:

— Я вернулся! И вторую сестру с Чжижань привез!

Ван Инцзинь окончательно потерял покой.

Он понял, в чем его ошибка. В их краях, чтобы взять наложницу, нужно было получить согласие не только жены, но и семьи ее родителей. Даже если он пришел загладить вину и просить прощения, он не должен был являться один. Ему следовало привести новую женщину, чтобы та поклонилась семье его жены.

А значит, пока он здесь, его наложница должна смиренно ждать у калитки дома Цуй.

Это был старый обычай, подзабытый уже много лет, с тех пор как в одном из пяти великих кланов увлечение наложницей привело к краху законной супруги. Ван Инцзинь думал, что об этом никто не вспомнит, но не учел, что его тесть — человек старой закалки, решивший этим напомнить ему о приличиях.

Вспомнив о земельных документах в руках жены, Ван Инцзинь ощутил беспокойство. Лекарь сказал, что наложница носит мальчика. Но его тесть всегда был жесток. Наложницу ввели в дом, пока он был без сознания, к тому же сейчас Ван Инцзинь совершил одну ошибку за другой. Если он не принесет в жертву жизнь нерожденного ребенка ради искупления, боюсь, нить жизни его семьи окажется в руках старика Цуй.

Жену легко обмануть, но жена, за спиной которой стоит старый тесть... боюсь, ее больше не удастся притеснять так просто.

Он нащупал в рукаве два серебряных слитка и, подозвав доверенного слугу, негромко приказал:

— Ступай в аптеку, возьми снадобье, чтобы «укрепить» силы младшей госпожи. Проследи, чтобы она выпила всё до капли, а затем приведи ее сюда. Пусть опустится на колени у калитки. Если станет упрямиться — скажи, что в следующем месяце ее брат не получит денег на обучение.

***

Цуй Люй быстро получил донесение. Посмотрев на вторую дочь, которая, обнимая внучку, молча предавалась своему горю, он произнес холодным, не терпящим возражений тоном:

— Завтра призови сватов со стороны мужа. Пойдем в управу оформлять и-ли.

Сперва он хотел дать Ван Инцзиню шанс, но теперь видел, что в этом нет нужды.

Этот малый был слишком бесчеловечен!

— Отец...

Сидевшая рядом и долго хранившая молчание старшая дочь внезапно поднялась. Она подошла к нему и решительно опустилась на колени. Голос ее прозвучал твердо и звонко:

— Дочь тоже желает расторгнуть брак!

Цуй Люй: «...»

Братья и сестры в комнате: «...?!»

<http://bllate.org/book/16118/1582296>